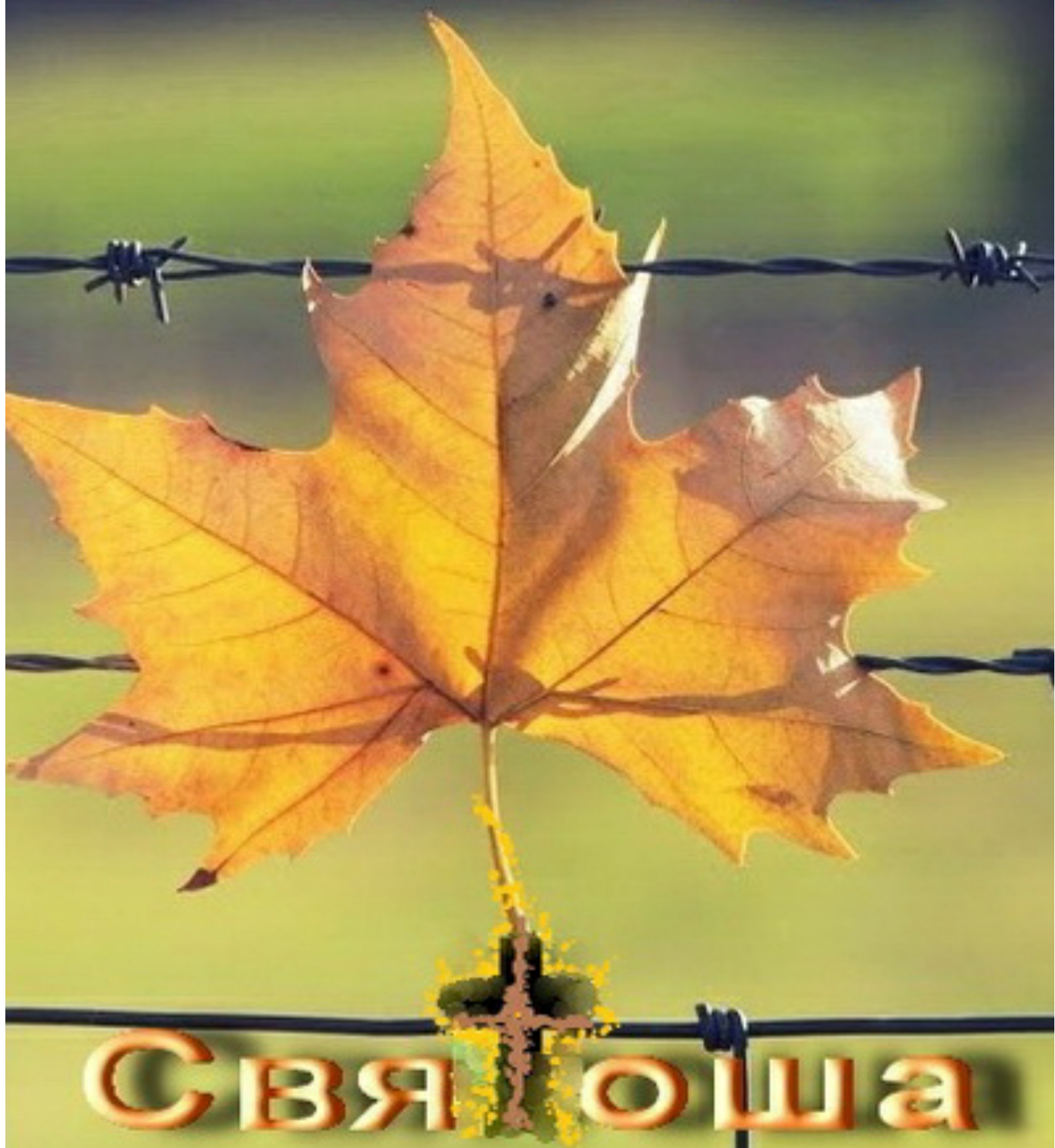

Витольд Ветерский

СВЯТОША

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Витольд Ветерский
Святоша

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ветерский В.

Святоша / В. Ветерский — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Среди заключенных исправительной колонии появляется священнослужитель, проповедующий Библию, которую сам написал... За что он, диакон Антон, получил срок?.. Как его приняли простые зеки и авторитеты? Каковы истории первой любви Антона и ещё двух мужчин, отбывающих наказание? Какие их терзают воспоминания о сильных духом и чувственных женщинах?.. Об этом читайте в двух частях повести «Святоша». Содержит нецензурную брань.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА 1. ВОСПОМИНАНИЯ: КИЧА	5
Встреча	5
Антоша, Бурый, Батя и другие	6
Опьянённые вседозволенностью	9
Судный день, или Тройной косяк	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1. ВОСПОМИНАНИЯ: КИЧА

Встреча

Историю эту поведал мне одноклассник, освободившийся из мест лишения свободы. Вышел на волю он около семи лет назад, а рассказал совсем недавно. Просто повод появился.

– Ты, Витя, – говорю я ему при встрече, – на удивление спокойным, умеренным в выражениях стал, улыбчивым, вдумчивым. Радуюсь я за тебя! Неужели тюрьма может так человека изменить?

– Ха! Оказывается, может. И ещё как! Это теперь такие тенденции, что тюрьмы становятся более приспособленными для жизни осуждённых, службы разного рода подключаются: психологические, воспитательные, в том числе и по отжиму, то есть стимулированию погашения задолженностей по уголовным делам. А в ту пору всё было проще: арестовали, осудили, этапировали в зону и отбывай, жиган, на нарах свой срок от звонка до звонка.

– Так в чём же тогда секрет твоего перевоспитания? Кто этот педагог выдающийся? Ты ведь ещё со школьной поры хулиганом-авантюристом был.

Друг смеётся и задумывается:

– Эх, тюряга. Кича... Трудно о ней, чертовке, вспоминать. Это психологически очень сложная правда. Правдуха о внутреннем мире людей. Достоинно пройдя эту школу, начинаешь многое видеть изнутри, а человека – насквозь, как через рентген. Начинаешь ценить простые радости жизни... и свободу. Чтобы на киче задать верный вопрос, необходимо знать большую часть ответа. А насчёт моего перевоспитания... Нашёлся такой педагог – среди своих же, зеков. И даже не один. Только, чтобы все нюансы этой истории передать, надо чуть ли не снова прожить те вырванные годы, погрузиться в их болото. Тебе это надо, Достоевский?

– Надо, Федя, надо, – отвечаю я.

Мы рассмеялись, и Витя, предложив зайти в кафе, стал рассказывать мне всё по порядку: как попал под статью, как поначалу трудно было в СИЗО, как обманывал себя, утешаясь глупыми надеждами: сперва на смягчающие обстоятельства при вынесении приговора, а после на то, что его срок на киче прокатит под знаком «ништjak». Рассказывал, как тяжело менялось его мировоззрение, как вскоре понял, что за всё сказанное и сделанное придётся отвечать самому, и спрос будет не как с недоразвитого, а как с понимающего. Понял, что пока не наступит завтра, трудно осознать, как хорошо было сегодня...

А когда он стал рассказывать о конкретных людях, я быстро заметил, что эта история – мозаика их жизней, увиденная глазами человека, тратившего свою жизнь беспечно, безропотно, принесшего много горя своим родным, близким и получившего от жизни жестокий и незабываемый урок.

Понимая, что хорошая проза может получиться из такого материала, я получил одобрение Виктора на публикацию и записал разговор на диктофон. Задал другу уточняющие вопросы. И вот теперь воспроизвожу услышанное, придавая ему лишь небольшую литературную обработку, дабы сохранить всю особенность речи рассказчика. А она, на мой взгляд, тонко, образно отразила эту яркую историю в неприглядной атмосфере серой тюремной жизни...

Антоша, Бурый, Батя и другие

Подняли в наш отряд одного доходягу. Тощий, молодой да молчаливый. Одно слово – дичь. Только вскоре молчание это бомбой оказалось: проповеди он читать стал, изречения духовные – всё чаще и чаще. В общем, вносил смятение и в без того нервную атмосферу зоны. Уже и до других отрядов слухи о его навязчивых нравоучениях дошли. Правда, психом напрямую его не называли, ведь на свободе он аккурат год в церкви отработал после духовной семинарии.

Вот тебе и явление Христа народу! Как его в наш омут попасть-то угораздило?

– Слышь, Антоша-Святоша, – стреляет в него словами Миша Бурый, погоняло которого (то есть прозвище) Бур. – Чё-то мы с братанами так и не въехали, за какие грехи тебя твой монастырь на зону упёк?

Антон ничуть не смущается, даже речь Бура, авторитета среди блатных нашего отряда, поправляет:

– Уточню, братья: не монастырь, а церковь. Не упёк, а по Божьей воле отправил. А к тому же...

Но не даёт ему договорить Пашка Козыркин, конь Бурого. Феску (кепку) Антохе на глаза надвигает, к стене толкает и базаром давит:

– Труп. Ты, монах недоделанный, считай, что труп. Не понял за что?.. Щас поймёшь.

Своей ногой парнишу за его ноги цепляет, и тот мигом падает. Все, кто был рядом, ржут, а Козыркин хватается жертву за шманты, поднимает и говорит «воспитательным» тоном:

– Запомни, малый, своими христианскими мозгами! Авторитетных зеков и других джентльменов удачи, кто по разным делам встрял в этот капкан, поправлять в словах и уж тем более жизни учить нельзя, неприемлемо и для жизни опасно. Усёк, святая морда?

Антон неопределённо мотает головой.

– Повтори для зачёта, – педагогничает Пашка.

И вдруг ученика заносит. Да не в ту сторону:

– Истинно вам говорю! Все мы в учениках ходим под покровом Творца всего сущего. Того, кто зол и заносчив, охладит да вразумит Слово Его, через меня, служителя Его, сказанное. Не ведают, что творят. А во зле – и большом, и малом – зло творят для самих же себя...

– Эй, стоп! Тормози, – останавливает его Пашка. – Может, ты об косяк где башкой треснул? Или пол сильный на слабый хочешь поменять, да сказать нам стесняешься? Так не утаивай, откройся. Мы понятливые.

А Святоша лишь к небу (к потолку) взор поднимает и на своей волне остаётся:

– Утаивать и от друзей, и от врагов, нечего тому, кто чист в помыслах своих да сердцем в Боге пребывает. Да пребудет свет в душах ваших, как утренний луч в окно стучится. Да услышите его тихий стук...

Антон, стоя посреди промки (промышленной зоны), выдавал всё это быстро, напевно, как пара батюшек во время службы. Все опешили от такого неожиданного потока. А он сумел освободиться от «объятий» Козыркина, и крестился, и кланялся. Пару наших парней пальцы у виска крутили: мол, точно улетевшие мозги. Другие, наоборот, прислушивались, словно в церкви оказались, а третьи, среди которых были Бурый и Козыркин, чуть было не затряслись от такой дерзости.

Пашка кривится, багровеет так сильно, что кажется, вот-вот его рожа взорвётся.

– Ну, ты, в натуре, майский жук, – морщится Бур.

Козыркин уже кулак с кастетом самодельным заносит над нашим чудиком, как вдруг Миша останавливает другана:

– Стояночка, Пашка! Тормози! Закройте, братки, пасть этому терпиле для начала. Пусть не стенает его библейское радио, а то сейчас и про Моисея, этого экскурсовода по пустыне, нам тут чухать начнёт.

После того, как трое наших выполнили указание Бура, он говорит дальше – о новом Хозяине (начальнике колонии):

– Дошёл до смотрящих прогон¹, что Хозяин решил внепланово жилую зону шманать. Пусть попробует, подёргается туды-сюды. Пусть найдёт, что ищет – хрен себе под нос. А там, гляди, и угомонится. Поэтому, братки, надо нам до срока всё, что для ментов интерес представляет – ну, лаве там, железячки типа перо... в общем, у кого что есть – ныкать на промке.

Видя внимательные взгляды братков, он добавляет:

– Помните, ещё месяц назад Батя за порядок пуще прежнего базарил. Усекли?.. По рожам вижу, что усекли.

Батя... Об этой персоне следует рассказать подробно. Он, то бишь Марат Савельевич, был неподписным (отказался подписывать бумагу по выполнению разного рода обязательств), по всем понятиям зоны – авторитет среди мужиков, то есть к блатнякам отношения не имел, был выше этой швали. А его первая и единственная масть по тюремной касте – порядочный мужик – не ниже статуса пахана среди блатных. Теперь таких авторитетных зеков всё чаще «смотрящими» называют. В последние годы зоны коммерциализировались (платишь деньги, даёшь сигареты – получаешь бонусы), появились так называемые козлабандиты (сотрудничают с ментами), а места для порядочных мужиков вакантными остаются...

Да, меняются времена. Вот и Савельевич отошёл в мир иной недавно. Два года назад, уже на воле. Говорят, Бог его душу во сне забрал. Лёгкая смерть на краю тяжёлой жизни. А в ту пору Марат стоял крепко на ногах и зону держал строго в людских понятиях. Человеком он был, конечно, жёстким (там, где надо), башковитым (всегда) и влиятельным (везде). А как иначе в этом болоте на плаву держаться?.. Да и на воле Савельевич был дельцом отменным: заместителем министра финансов. Держался в тени, но такие схемы по всему Союзу вертел, что нынешние коррупционеры – мелочь пузатая по сравнению с ним. Лет десять, со времён перестройки до середины девяностых, валютные сети дяди Марата ни один страж порядка не просекал. Для него махинации – эти лазейки в слабых местах законодательства – стали сродни искусству.

Только жизнь со своим законом воздаяния за содеянное хитрее оказалась, доказав лишний раз, что шило в мешке, даже набитом золотыми слитками, не утаишь. Вот и сдал спецслужбам одного из подельников Савельевича какой-то гусь иностранный. А через годик вышли и на образцово-показательного замминистра... Взяли «клиента» в больницу, где он после операции лежал. Ещё б неделька-другая и отчалил бы дядя Марат поближе к своим сбережениям, к банкирам заграничным, а после – на заслуженный пожизненный отдых в Белиз или на Сейшельские острова. А так, прощай, беззаботный солнечный берег! Прощай, такая близкая мечта миллионера! Привет тебе, суровое СИЗО... Влепили экс-замминистра срок приличный – пятнадцать лет с конфискацией имущества. Местом лишения свободы тюрьму строго режима назначили, но... смог всё-таки дотошный адвокат для своего клиента добиться решения тюрягу на исправительную колонию заменить.

Там, на «новом» месте, Савельевич не стал сопли жевать да инфаркт на себя нагонять. Отнёсся к этому удару судьбы по-философски. А местами – по-бухгалтерски. И покровителей, и должников у него в разных странах ещё много было. Даже некоторые счета в иностранных

¹ Слух, неточная информация

банках так и остались нерассекреченными. Да что тут говорить: прежний начальник колонии с первого дня прибытия особого зека лично взял его на жирную заметку и своих самых опытных козлов за ним наблюдать приставил. А новый начальник, уже будучи наслышанным про Батю, не решился его прессовать.

Эх, давно бы уже Савельевич с кичи слинял, если бы не генпрокурор, который на бывшего замминистра очень ожесточился. Личная вражда между ними завязалась.

Впрочем, дядя Марат и на зоне устроился с комфортом. Был обеспечен всем необходимым. Барыги и даже промоты (расточители, транжиры) зоновские – все пахали на общее под патронажем Бати. Самого резвого пахана от общака он быстро отстранил. Новую информационную сеть вокруг себя наладил. В каждом отряде своих «смотрящих» (старших) назначил, получив на это зелёную (одобрение) Мохнача – единственного вора в законе на зоне – и других авторитетов. В присутствии Бати любой из нас опасался слово ненужное произнести. Под статью этому и прикид у Савельича: лысоватый дядечка в очках, всегда чисто выбрит, одет опрятно и даже в дорогие одежды. Чем не Ленин в ссылке? И уж понятное дело, что рукоприкладства без повода наш вождь не одобрял. Ибо, как он выражался, физиономию уродовать без веской на то причины – дело дурное, много ума не требует, да и беспредел это. А за беспредел у Марата был спрос особый, поэтому и был Батя в милости у начальства. Нередко к нему кто-то из них даже за советом обращался.

За всё это быковатый, тупой Бурый недолюбливал нашего Батю. И побаивался, что тот видит его косяки насквозь. Но молчит до поры до времени...

Вот и тогда, когда Пашка хотел изувечить или ненароком грохнуть Антошу-Святошу, двойное чувство было у Бура от мысли: как Марат на этого чудика – Иисуса местного – посмотрит?.. Наверняка, с пренебрежением, как на чокнутого. А если с одобрением, как на новую и даже прочную ниточку в контроле над зеками?.. Да и для начальства такой воспитатель-поп может оказаться выгодным. К тому же местный храм ещё неизвестно сколько лет будет на ремонт закрыт. А тут такой церковный кадр пропадает...

Бурому было на руку, что старик Мохнач месяц назад отошёл в мир иной, а Бати на зоне до конца недели не будет. Да и своего старшего он для нашего 9-го отряда ещё не назначил после Князя, освободившегося три дня назад. Короче, стала Мишу жаба давить: мол, просто глупо такую лафу не использовать, чтобы себя хозяином в отряде почувствовать.

А где был Батя? В Москве. Свидетельствовал на суде по делу одного из своих бывших поделщиков.

– Слышь, проповедник, – говорит Бур Антону, когда братки с его рта свои лапы убрали. – Для начала мы тебя отпускаем.

А иначе и не мог поступить Миша, ведь, по понятиям зоны, прессовать новичка в отряде можно только после получения зелёной от авторитетов. Но ещё больше он не мог сделать другое: отпустить «клиента» просто так, не поимев с него чего-нибудь.

– Только выполни моё условие: откажись от своей работы в прачке в пользу пилорамы, – сообразил Бур. – Мне впадлу часто в промзону лазить. Утомила она меня, шельма. Так что, мальй, откажись. Всего лишь до конца недели. А хочешь – и до конца моего срока. Из сострадания к этому... к ближнему. Как Христос ваш все грехи на себя взял. Слабо?

Все ржут, как школьники в цирке, а Миша продолжает:

– Ты у нас молодой, сознательный и работающий, видать. Будешь деревяшкам свои проповеди толкать. Они тебя точняк послушают!

Блатняков от смеха зашкаливает. А наш проповедник за своё:

– Творец каждому его истинное место определяет, и не уйти от этого никому. Ибо свой крест на другого не переложить. И уж тем более – на Христа. Он не грехи наши на себя берёт, а путь к очищению указывает. А иначе и быть не может для Спасителя...

Как только Антон после этого потока паузу сделал, чтобы дыхание взять, Бур неодобрительно сплюнул и лишь вставить успел:

– Ну, я надеюсь, ты меня понял, сын божий.

Но прежде, чем шайка Бурого отвалила, Антон начал следующий «канон»:

– Понимать и воспринимать – суть состояний разных. Истинно отцы святые учат...

Не научился наш Святоша от урока братков тому, чего от него хотели. Ох, не научился...

Опьянённые вседозволенностью

Он учился совсем другому. Поэтому при утреннем распределении работ не взял на себя пилораму. Так и остался работать в прачечной – в жилой зоне.

Осерчал Бур не на шутку. И вечером того же дня Антохины мытарства вошли в стадию кульминации. В общем, прижали его братки в бараке и к своему вожаку привели.

Некоронованный авторитет Миша Бур восседает на стуле, как на троне, в каптёрке, где укромное местечко себе оборудовал. Видон – поважнее Бати. С одной стороны ему Козыркин чифир подаёт, с другой – молодой зек из числа шнырей сигарету прикуривает. А Миша глаза хитро прищуривает. Похоже, задумал что-то:

– Что ж ты, раб божий, просьбу своего Спасителя не выполнил: на пилораму не пошёл?..

– Чё молчишь, библейское радио? – лыбится Пашка и хохмит. – Волны короткие на длинные в башке переключить не могёшь?..

Антон только было рот открыл, как Бур мигом его опережает, вдохновившись неожиданной идеей. Просто шоу захотелось:

– Ладно, малый, не оправдывайся. Давай-ка лучше с тобой в одну игру сыграем. Ты нам – свою проповедь, а мы тебе – свою. Кто кого дольше выдержит? На выступление каждой стороне – по минуте. Идёт?.. Вижу, что согласен. Тогда, так уж и быть, начинай первым.

– Первый – не тот, кто быстрее, а тот, кто выше по сути. Ибо истина – это вершина, а не очерёдность.

Антон смотрит на присутствующих и жестикулирует, продолжая:

– Всех нас тут Бог собрал, чтобы мы глубже ошибки своих прошлых деяний уразумели. По зрелости нашей и воздастся нам. Всё в Мироздании на весах тончайших измеряется ежедневно, ежечасно, ежеминутно, и...

– И вот твоя минута истекла. Стоп, машина! – командует Миша.

И добавляет, замечая за собой, что на проповеди Святоши стал реагировать ещё с большим раздражением:

– Бог собирает в другом месте. А тут вас собрал Бур. Во как! Уяснил?..

Мгновенное сомнение и... Миша принял новое решение: наказать выскочку по полной – без зелёной². В общем, в тайне от авторитетов. Невозможное станет возможным, что для зоны – большая редкость... Снова жаба стала давить Бога-Бура: как же не использовать во всей красе такую лафу? Такой ништяк!.. И он ещё раз мысленно повторил три «стимула»: Батиного стар-

² Одобрение действия: зелёный свет

шего по отряду нет, самого Бати на зоне нет, да и единственный вор в законе копыта отбросил. Да подобное бывает, может, раз в сто, двести лет...

Ощущая пьянящий вкус вседозволенности, Бур даёт своим архаровцам особый сигнал: мол, зелёный свет.

– Колян, покажи-ка, пока слегонца, нашему спасителю-батюшке, что мы могём ему ответить.

– Ага. Могём лёгкий хук, – скрипит своим басом этот здоровяк и подходит к Антону, который продолжает что-то говорить.

Пара коротких ударов на расслабоне, но явно с боксёрской техникой, отбрасывает спасителя к стене. Два братка помогают поверженному встать на ноги. А Бур, ухмыляясь, продолжает:

– Ну, вот первый тур пройден. Только, Антошка, это была разминочка. Начинаем второй – этот посложнее будет. Встать на ножки мы тебе уже не поможем. Сечёшь? А то, милок, как-то стрёмно получается: мы тебе помогаем, а ты нам –фигушки. Не по-брателовски это. Не по-божески. Верно?

– Верно то, что нами на собственном опыте испытано, – говорит Антоша, преодолевая боль от ударов в челюсть. – И любое бескорыстное дело верно, ибо на благо ближнего делается. Делами своими себе дорогу в бессмертие или к смерти мученической прокладываем. Пути Господни неисповедимы, но всегда лишь Благо несут. Но блажен не тот, кто в Бога уверовал, а кто себя его частью осознал. Ибо...

– Ибо стоп! И пошёл бы ты знаешь куда? В свою церковь на курьих ножках – кричит Бур, посмотрев на часы. – Ну и занесло ж тебя. Уже Бога, блин, на части делишь.

– Не делю, а объединяю. А единое всегда неделимо...

– Я же сказал: «стоп»! Наш ход. Пашка, заткни ему говорилку.

Козыркин тут как тут. Вокруг Антона круг делает. Затем – второй. А на третьем круге, за его спиной оказавшись, с разворота ногой так бедняге по затылку бьёт, что тот вперёд летит и у ног Бура оказывается. Братки аплодируют меткости Пашки. А Миша, явно на зрителя играя, на часы смотрит (мол, есть ещё пара-тройка секунд) и, не вставая со своего трона, бьёт лежащего ногой по голове, словно таракана давит...

И не остановить уже Бурого и его шайку. Вошли ребята в кайф...

Антон в сознание пришёл быстро. Вставать начал. Но так и не смог...

Лицо в крови. Голова гудит. Ноги тело не держат, руки дрожат. Язык не слушается. Мысли разбросаны. В глазах – туман...

– О, братцы, глядите! Христос воскрес! – глумится Бур.

– Во истину воскрес, бляха! зуб даю, – вторит ему Пашка, крестится и на колени становится в молитвенной позе.

Блатняки ржут пуще прежнего. Уже начинают ставки делать – на сигареты: на сколько ещё туров Святоши хватит? Отрываются по полной...

Меня, зашедшего в каптёрку по делу пару минут назад, сразу напрягла вся эта веселуха на скотобойне. А Бурый третий тур объявляет. Лыбится, видя, что браток, на стрёме стоящий, знак даёт: спокуха. На жертву свою смотрит, как на котёнка беспомощного. Ногой его пинает, а тот, приподнявшись, снова падает и лежит.

– Антошка, если сдаёшься, ты ж не молчи, родной, – подражает Козыркин интонации Бура.

– А если Бог у тебя дар речи забрал, то на коленки встань, – «инструктирует» Миша. – Встань, милоч! То знак будет нам, и мы из тебя сделаем знаешь кого?.. Петушка! Петушка, Антоша, петушочка нашего.

– Ну, так чё, святая морда? Дошло до твоих библейских мозгов, как себя вести надобно на киче? – добивается нужного ответа «педагог» Козыркин.

И вдруг Пашка замечает:

– Ой, и чтой-то это такое выпало у нас из карманчика? А?..

Он в развалочку подходит к поверженному Святоше и берет эту вещицу.

– Опаньки! Так это фо-о-оточка.

Пашка показывает её блатнякам и продолжает:

– А на фоточке – де-е-евочка.

Фоточка, пройдясь по рукам, возвращается к Козыркину под похабные возгласы братков.

– А девочка-то энта не простая, а золотая, – лыбится пуше прежнего Пашка и уже другим тоном обращается к Антоше, снова подавшему своим шевелением признаки жизни. – Слышь, припыленный Библией, это твоя чувиха, что-ли?

Новая волна рогота наполняет каптёрку и подталкивает Козыркина на новое красноречие-словоблудие:

– Молчание, говорят, – знак согласия. Ай-яй-яй!

Он подходит ближе к Антоше, садится перед ним на корточки и продолжает:

– Ай-яй-яй! Несостыковочка вырисовывается, гражданин поп. Вам же баб иметь уставчик ваш церковный не позволяет. Нарушаем, значитя?

Пашка приподнимается, гримасу корчит, по-театральному руки в сторону разводит и обращается уже к публике:

– Наруша-а-аем. Так-так-так-так-так...

Все ржут, от смеха пухнут, а Мишка Бур даже аплодирует своему коню и говорит рядом стоящим братанам:

– Настал звёздный час Пашки-артиста! Бенефис, блин, устроил, Райкин наш бесплатный.

Козыркина уже не остановишь. Жжёт по полной. И даже через край лезет. Антоху за плечо трясёт, «правды» добивается:

– Слышь, попик, признавайся народу! Не из-за девочек ли тебя из твоей обители нахрен попёрли?.. Да не жмись ты, тут все свои. Колись, батюшка! Колись, милоч, легче на душе-то станет.

Рогот заглушает голос самого оратора. Бур беспокоится, что на коридоре всё слышно. Антоха голову поднимает, глаза закрыты. Видать, Богу молится.

– Колись! Народ подробностей ждёт. Как ты эту лёлю трахал? Какие у неё литавры – сиськи то бишь? Как она сосёт?.. А не расскажешь, так мы тогда тебя, голубчик, замест её... по кругу... натурально...

И в тот момент случился неожиданный для всех поворот.

– Падла! Мразь! Сволочь! – вдруг раздалась яростные крики.

Не верилось, что всё это он, Святоша, выдавал. А он уже вскочил и Козыркину по физиономии треснул.

– Это тебе за всех женщин, гад! За всех, кого ты, дьявол, унизил!..

И мигом сзади Пашки оказавшись, его шею рукой обхватывает. И сжимает его горло. Душит Пашку, душит. Тот пищит, как петух на бойне. Крыльями, то есть руками, машет, а отбиться не может. И откуда это в Антоне силы-то такие взялись?

– Ну что, удавить тебя, как таракана вонючего? – не перестаёт кричать Антон.

Уж ясное дело: в приступе ненависти он. В шоке. Кто бы мог подумать?.. И на святуху бывает проруха.

Братки из стопора выйдя, хотят его от Пашки отодрать-оттащить, да Святоша к стене прижимается – не подступишься. Да и сам Козыркин – полный ноль. Вырваться не может. Мышцы у хиляка Антоши откуда-то появились, да ещё и напряжены, словно сталь. Подменили парня, что-ли? В натуре...

– Чё мечетесь, как усавшись? – вмешивается недовольный Бур. – От стены его оттащите, бараны. От стены!..

Но не могут братки за Святошу ухватиться, будто сила какая-то незримая его защищает.

– Жердяй, чё ты вертишься меж всех без толку? Меж ног подлезай и бей!.. Эй, рейнджеры, расступитесь! Дайте Жердю место. Впятером, блин, справиться не могут, козлы.

Но расступаться не пришлось. Антон, за Пашкины запястья ухватившись, месит его руками рейнджеров, месит. А ответные удары самому же Козыркину и достаются.

– Скоты поганые! Звери ненасытные! – кричит наш герой от ярости весь красный. – Христа погубили, Божие творение опаскудили. Когда людьми-то станете, ироды? Когда?..

Все, даже Бур, снова опешили, на месте застыли. Видно, и вправду, слова Святоши магическую силу возымели. Но руки его, правда, ослабевать начали. Пашка, у которого от чувства смертельной опасности второе дыхание открылось, тут же этим моментом воспользовался. Вывернувшись из вражьей хватки, резко к врагу обернулся и дал Антону «бычка»: один раз, второй, а на третий – ногой меж ног. У обоих кровь на лбах...

Святоша от удара на четвереньках оказавшись, вдруг начинает причитать-молиться:

– Господи, что же я делаю? Насилием на насилие отвечаю. Прости! Грешен! Каюсь! Каюсь! Каюсь!..

Пока Бур и его свора из стопора выходили, Козыркин так ударил Антону ногой по ребрам, что тот к стене отлетел и по полу распластался. Теперь Пашка в ярости пребывал.

Антон встать пытается. А голова кружится, опять ноги не слушаются. За стенку держится. Говорить тяжело, но молчать не может.

– И сп-спросил с-ст-странник у X-христа: как же мне не метать бисер п-перед свиньями, если ты меня к этим свиньям послал со Словом твоим? – говорит Антон, переходя с прерывистой речи на ровную. – И отвечает Спаситель: если каждое Слово моё – бисер, то среди свиней должен найтись хотя бы один не падший так низко, дабы суметь свой взор к Небу обратить. Донеси же до него, странник, Слово, не растеряй! Ибо потеряешь – не вернёшь в полноте своей...

Антон делает паузу, а Бур, Пашкиной яростью заряжаясь, рывкает недовольно:

– Так, говоришь, мы свиньи? За базар ответишь по полной.

– Да я этого щенка щас по стенке размажу, блин, – трясёт Козыркина, словно на электрический стул сел.

У обоих лица налились кровью, кулаки сжались. И другие братки в такой же кондиции. Бить, похоже, будут всей шоблой... И тогда... во мне какой-то механизм новый заработал. Я мигом представил, что произойдёт буквально через минуту...

...серия зверских ударов – и Антоша в луже крови...

...они добивают его ногами...

...на нём уже нет живого места...

...но, словно воскреснув, он встаёт и пытается говорить дальше...

...а к нему тянутся лапы взбесившихся...

Стоп!.. И я хотел уйти, не поставив на место этих бесов?.. Что же я раньше тупо стоял?.. И такая во мне жалость к Антохе забурлила, такое к нему уважение проснулось, что я, уже не мешкая, заслонил парня собой.

– Всё, харэ! – говорю и слышу, что мой голос звучит жёстко, уверенно. – Нашли себе тренажёр. А ты, Бурый, лучше скамандуй своему стаду слюни утереть да по стойлам разойтись, не то любого зашибу, кто этого святого малого хоть ещё раз своим грязным копытом тронет. И разве есть у тебя, блатняка, зелёная на такие разборки? Мозги включи!.. Всё, разошлись!.. Чё? Не доходит?..

Доходило. Да и эффект был налицо – на физиономии каждого из них. Бурый только пасть свою, скривившуюся от неожиданности и возмущения, открыл, как сию же минуту за его спиной аплодисменты послышались. Все тут же обернулись и онемели. А Мишуня, наверное, от такого шока, в штанишки наложил...

– Молодец, Метельский! – говорит мне замполит. – Проявил сознательность и мужество.

– Bravo, Витя! Bravo! – хлопает в ладоши Батя собственной (!?!) персоной. – Так их, собак взбесившихся. Так их!

Появляются охранники. Но Савельевич, переглянувшись с замполитом, говорит ему:

– А пусть самые борзые из этой стаи, Бурый и Козыркин, сами свою жертву и ведут. Пусть ощутят вплотную своё произведение искусств извращённое. Сугубо в воспитательных целях.

– Согласен, – отвечает тот. – Бурый, Козыркин, ну-ка взяли под руки Свешникова и бережно, как самую главную ценность в мире, повели в санчасть. Ухаживать за ним будете лично сами. И не дай Бог, он через три дня в строю не окажется!

– И вам, bravo, товарищ майор. На лету схватываете, – улыбается Батя.

– Кто ещё к Свешникову свои ручонки прикладывал?.. Я не ясно спросил?

Один активист (он же козёл), который был не из шайки Бура, молча кивает в сторону верзилы Коляна...

Судный день, или Тройной косяк

Через два дня Батя пришёл в медсанчасть – Антона проведать. Меня с собой позвал. Сел Марат Савельевич на стул рядом с койкой. А мне сказал сесть с противоположной стороны.

– Как чувствуешь себя сегодня?

– Физически лучше. Сегодня гораздо лучше. Спасибо! – отвечает тот, опухшими губами улыбаясь.

– Не меня благодарить надо, а... сам знаешь кого.

– Бога. Да, молюсь Творцу! И днём и ночью.

Антон крестится и продолжает:

– Только не достоин я Его милости, коль на человека руку поднял.

– Это ты про Козыркина? Так по заслугам он и получил от тебя – урок.

– И я урок тоже получил. Неимоверный.

– А тот факт, что ты, диакон, ради чести женщины не стал врагу, как ваша Библия учит, другую щеку подставлять, знаешь, о чем говорит?..

Молчание...

– Ну, ты подумай хорошенько. Позже и ответишь.

– О том это говорит, что... всё-таки Библия... с помощью Библии не все ситуации растолковать можно однозначно...

– Эх, куда загнул со своей колокольни – усмехнулся Савельич. – Это прежде всего нам, мужикам нормальным, говорит о том, что вы, священнослужители, тоже люди... тоже грешные... и вовсе вы не святые, каким Иисус был... Был и, наверное, есть и будет. Усёк мысль мужицкую?..

– Усёк, – ответил Антон, тяжело вздохнув. – Усёк, Батя.

– А не сомневался ли, хоть на мгновение, когда глумились над тобой, что Бог тебя оставит без помощи своей?

– Не сомневался.

– Вот тут – похвально! Только вот видишь, к чему на зоне навязчивые нравоучения привести могут: братки контроль над собой потеряли.

– Вижу. Теперь вижу, что оплошал я.

– А я вот тоже оплошал. Не досмотрел за этими головорезами из вашего девятого отряда. Да и с зоны уехал не вовремя. Даже познакомиться с тобой не успел. Ну, да ничего, сейчас мы все эти огрехи устраним.

– Я никого ни в чём не виню. Даже Бурого. Бог ему судья. Не наказывайте его.

Савельевич даёт знак дежурному пригласить в палату кого-то и, придвинувшись к Антону ближе, говорит, словно мимо ушей прошла его просьба:

– Ну что ж, Антоша, меня, как ты уже знаешь, Батей местным величают. А ты, как я понимаю, становишься нашим батюшкой?.. А ведь мы с тобой, действительно, похожи. Ты порядок в душах осуждённых установить стремишься, и я о порядке забочусь вот уже седьмой год. Только понятия о порядке у нас с тобой в чём-то разные. На зоне – понятия свои, а в церкви – другие. Хотя что-то и общее найти можно. Ну, не в этом суть, а в том, что я своё дело начатое, и тобой так дерзко подхваченное, закончить должен. Я иначе не могу: всё на Бога спихивать.

В палату заходят все провинившиеся из 9-го отряда.

В тот момент Марат Савельевич изменился в лице, и интонация в его голосе: стала жёсткой. А взгляд – древнегреческого оратора-мыслителя. Не меньше.

– Ну что, гиганты кровопролития, стоите, как перед нашествием римлян?.. Стульев для всех нет, да и постоять вам полезней. Включайте локаторы! Сейчас я вам об очень важных моментах вещать буду... Если бы замполит ваш косяк не засёк, было бы полбеда. Теперь я не могу перед Хозяином за людское просить. И тем самым вы, шельмы, всех наших мужиков наказали. Об этом не хватило ума подумать?.. Бурый, тебе воображаемый шлем авторитета мозги сдавил?.. Не слышу ответа. Ты что, говорить разучился, пока санитаром работал?

– А чё?.. Чё, Батя?.. Нам от Святоши тоже досталось. Пашку чуть было на тот свет, к предкам, не отправил отец святой, блин.

– Пашке было бы очень к месту там побывать, на экскурсии познавательной. Из меня дурачка не лепи. Мало Антон вам поддал под зад. А тем более – твоему Козыркину. Небось, Пашка больше всех петушился. Ты мне по существу отвечай.

– Думал я, Батя, думал, что косяк может быть, но... достал нас Антон проповедями своими.

– Не тем местом ты думал, Бурый. И снова меня фуфлом своим кормишь. Видать, могила тебя только и исправит. Ну, а как отработка провинности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.